

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

**МАГИЯ
УБИЙСТВА**

ЖАН
РЫ
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 54

Оформление — *Екатерина Фerez*

Соболева, Лариса.

С 54 Магия убийства : [роман] / Лариса Соболева. — Москва : АСТ, 2015. — 352 с. — (Детектив по новым правилам).

ISBN 978-5-17-087814-7

В городе при странных обстоятельствах одного за другим убивают людей. Жертвами стали весьма сомнительные личности — альфонс, бандиты, алкоголичка... Все мужчины убиты выстрелом в пах, возле каждого трупа — резиновая змейка. Все убийства похожи на месть. Но каков мотив? Сыщики, Ника и Валдис, пытаются найти хоть какие-нибудь улики, способные пролить свет на эти преступления. Но... неудачи преследуют их. Убийца хитер и коварен. Убийства продолжаются. В дело вмешиваются криминальные авторитеты, которые возмущены гибелью своих братьков. Они хотят отмщения и берут в заложники следователя, правда, обещают вернуть его живым в обмен на убийцу. Такого еще не было — мафия диктует условия прокуратуре...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-087814-7 © Л. Соболева, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

В запущенной части лесопарка фары рассекли темноту, нырнули, и свет их выхватил из темноты тропинку, теряющуюся среди деревьев и кустов.

— Сюда! Сюда! — закричал паренек, кинувшись к автомобилю и призывно замахав руками.

В автомобиле услышали или увидели его — затормозили. Пока юноша бежал к машине, оттуда вышел молодой мужчина лет тридцати, за ним сублильная девушка, потом еще три человека. Бежавший к ним юноша вдруг остановился, словно одумался, опасно и запоздало спросил:

— Вы кто?

— Прокуратура, — сказал молодой мужчина.

Он мог бы ничего не говорить, на нем было написано крупным шрифтом: гражданин начальник. В понимании юноши только начальники имеют столь невыразительную внешность и одеваются в стандартные костюмы, чтобы их не перепутали с другими людьми. Однако вид остальной прибывшей компании не внушал ему доверия, и паренек потребовал:

— Документы покажите.

— Думаешь, твой труп, кроме нас, еще кому-то нужен? — с ухмылкой спросил «гражданин начальник», протягивая ему удостоверение в свете фар. — Меня зовут Платон Сергеевич Холод.

Хорошенькая девушка, приехавшая с ним, застенчиво протянула удостоверение, но юноша уже поверил им, махнул рукой:

— Идите за мной, на машине не проедете.

Зона лесопарка не такая уж и большая, но дебри здесь встречаются дремучие, именно по таким дебрям, да еще в темноте, освещаемой единственным фонариком, шла группа за пареньком лет семнадцати. Он волновался, оттого торопился, спотыкаясь почти на каждом шагу, и скороговоркой сообщал, изредка оборачиваясь назад:

— Мы на него случайно набрели, а вокруг никого. Не выходной день, поэтому пусто кругом. Нашли его, когда еще светло было...

— Что ж ты сразу не позвонил? — спросил кто-то из прибывших.

— Я звонил, — заверил юноша. — Трубку не брали. А когда дозвонился, мне не поверили, думали, мы хулиганим... Пришлось еще раз звонить... тоже в справочную, чтоб дали номер прокуратуры...

— От такого стола нас оторвал, — вздохнул еще один.

— А нам что, караулить этот труп до утра, пока вы наедитесь? — возмутился юноша.

— Долго еще? — поинтересовалась девушка и вздрогнула от крика, который раздался неподалеку:

— Мы здесь!

Кричал еще один юноша, к нему жалась девчушка в светлой футболке и джинсах. Группа подошла, окружила труп.

— Посвети, Валдис, — попросил Платон Холод молодого и высокого, накачанного, как футбольный мяч, парня, который держал фонарик.

Луч взметнулся и замер на плечах и шее убитого, голова его была запрокинута назад. Убитым оказался здоровенный мужик, про таких в народе говорят: лось — значит, очень крупный. Он полулежал между двумя деревьями, будто застрял в слишком узком для него проеме. В сущности, и застрял. Очевидно, когда он был жив, то стоял как раз возле этих деревьев, после убийства он не упал, а осел и попал между стволами, которые держали его в полулежачем положении.

Валдис сделал пару шагов к нему, поднял выше фонарик, чтобы рассмотреть лицо трупа, устремленное носом вверх, с широко распахнутыми глазами, будто там — в вышине — покойник оставил свою неосуществленную мечту, к ней и обратил последний взор. Опершись о ствол рукой, Платон Холод тоже заглянул в лицо трупа, но в отличие от Валдиса не увидел в нем романтика, способного мечтать о возвышенном. Убитый показался ему человеком ограниченным, хотя сейчас он, разумеется, не сказал ни слова и уже никогда не скажет.

— Где такие препоганые рожи делают? — произнес Холод.

— Не в пробирке выращивают, — ответил Валдис, повернув козырек кепки назад. — А отшлифовывают на зоне.

— На зоне? — поднял на него глаза Платон. — Это бандит?

— Не просто бандит, а последняя сволочь.

— А что, бывают первые, вторые и третьи сволочи? — пошутил высокомерно Платон.

— У первых и вторых сволочей совесть чуть-чуть теплится, — объяснил Валдис, не обратив внимания на его тон. — А у последних сволочей в душе пусто, как в заброшенной цистерне. Это Канарейка или Кенар. Подонок и мразь. В зону ходил с младенческих лет. Теперь больше не будет туда ходить. По нашим скромным подсчетам, он киллер.

— А по нескромным? — поинтересовался Платон.

Он ведь был человек новый в прокуратуре, как и обомлевшая у куста напротив трупа Ника. После института отправили мальчика Платошу в район работать рядовым следаком, а там скука деревенская, опять же папа с мамой затосковали по сыночку. Великовозрастного отпрыска стараниями родителей перебросили в город.

— По нескромным подсчетам, он руководит синдикатом убийц уже несколько лет, — отве-

тил Валдис. — Все крупные убийства совершались под его командованием.

— Что-то больно нежно его зовут — Канарейка.

— Производное от Канарина. — Валдис медленно провел лучом фонарика по плечам и рукам убитого. — Ух ты, какая гайка! Граммов на десять потянет. Убить — убили, а гайку оставили? Не по-хозяйски.

Правая рука убитого, согнутая в локте, находилась на уровне плеча, зажата между телом и стволом дерева. На безымянном пальце Канарейки сверкал золотой перстень с камнями, действительно напоминавший гайку, ибо был слишком большим и толстым.

— Эти обрубки должны уголь ворочать, а не золотые гайки носить, — ворчал Валдис, ведя лучом по фигуре Канарина. — Или лес валить. Желательно где-нибудь в тайге и подальше от жилых центров, чтобы народу не мешать... У-у-у...

Протяжное «у» означало, что даже Валдис слегка растерялся, увидев также обилие крови на Канарине. А кровящи действительно было море. Вся нижняя часть тела залита так, что самой раны не видно — одни сгустки. Валдис и Платон наклонились к животу убитого, пытаясь определить, чем же из него выпустили кровь.

— Очередью прошили, — наконец сказал Валдис.

— Из автомата? — уточнил Платон Холод.

— Похоже, — неуверенно пожал плечами Валдис и шепнул: — Эксперт и криминалист тебе точно скажут, чем его шили, а ты командуй.

— И как мы тут будем?.. — в ответ зашептал неопытный Холод. — Света нет...

— А вот так и будем: с фонариком и до утра. Я позвоню, чтоб привезли еще пару фонарей. Начиная, говорю.

— Прошу вас... — Холод повернулся к остальным.

Обратился он к эксперту, а Ника в ужасе попятилась. Сегодня она — такой же новичок

8 в прокуратуре, как и Холод, — накрыла поля-

ну, отмечая свое вступление в должность следователя после учебы в университете и после практики. С этой «поляны», а точнее, из-за стола, они и рванули на убийство, Ника увязалась за мужчинами, требуя себе дела. До этого она значилась на побегушках, к серьезным делам ее близко не подпускали. Ника пятилась, но, как только ее спина коснулась ствола дерева, она вдруг решительно приблизилась к трупу, будто дерево и подтолкнуло ее. Вторым подошел к трупу, напевая известный шлягер, эксперт — человек средних лет. Он натянул латексные перчатки, поиграл в воздухе длинными пальцами, словно перед ответственной операцией, и сказал:

— Свет!

Валдис посветил ему жалким лучиком, но и этого было достаточно, чтобы Ника увидела темную лужу под убитым, джинсы, залитые кровью от пояса до пят, кровавые сгустки на животе. Нет, не просто сгустки, живот убитого был раскурочен начисто. А когда от ветерка в нос ударил запах... У девушки в глазах потемнело, тело приобрело подозрительную легкость, она лишь с удивлением обнаружила, что летит куда-то в космос и слышит голос мальчика, который привел их к трупу:

— О-ёй! Держите ее!..

Наконец-то! С большим опозданием до него дошло, что она не будет против, если он ее поцелует. Скромность, конечно, украшает человека, но в данном случае становится лишним отростком, как шестой палец.

Клара остановила машину возле его дома и не сказала, как сказала бы любому другому мужчине: «Выметайся, мне некогда». Она повернула к нему лицо и ждала... сама не зная чего, но ждала напряженно и, можно сказать, призывно. Они провели много времени в ночном клубе, поэтому на чашку кофе он вряд ли ее пригласит. Впрочем,

чашка кофе явилась бы намеком на перелом в их отношениях, и Клара пошла бы за ним, нет, побежала бы. Но он скромный человек — это такая редкость в наше время, хотя ему уже тридцать восемь. Ей тоже не семнадцать, можно было бы проявить активность. Конечно, ему.

И вдруг, когда Клара сочла паузу чересчур длинной, когда она разочаровалась и собралась попроситься, Мартын положил свою руку на спинку ее сиденья. Он долго и преданно смотрел ей в глаза, отчего она млела не понарошку и, кажется, впервые в жизни. Только потом он лишь слегка, почти незаметно коснулся губами ее губ — вот и весь поцелуй, которого так долго ждала Клара. Ну почему он такой дурак? Неужели не заметил, как сильно нравится ей, что она уже готова к близким отношениям, мало того — жаждет их? Да все он знает, чувствует, видит. Тем не менее Мартын открыл дверцу и сказал, улыбаясь:

— До завтра.

И вышел. Клара без сил откинулась на спинку сиденья, со стоном прикрыла веки. Что это за человек, из-за которого она потеряла контроль над эмоциями и разумом? Откуда он взялся со своими древними принципами, когда в постель не ложатся сразу же после знакомства? А они уже месяц знакомы, месяц! Но о постели ни гугу. Один поцелуй и был только что. С другим мужчиной Клара повела бы себя проще, но с Мартыном не может.

Она наклонила голову к рулю и взглянула на окна Мартына, там загорелся свет. Вздохнув с тоской, Клара помчалась домой, рассуждая, что, в сущности, подобные отношения поднимают из глубин души нечто трепетно-загадочное, возвышенное, делающее человека чище. Может, это нечто и зовется любовью? А ведь, похоже, Клара попалась.

У своего дома она увидела знакомый автомобиль, не стала въезжать в гараж, а остановилась посередине двора. Разговоров сегодня не хочется.

И ничего не хочется. Сейчас подойдет Красавчик, Клара пошлет его, а потом поднимется к себе, упадет на кровать и будет мечтать о Мартыне — мужчине ее снов, как это ни банально звучит.

— Привет, — склонился к окошку Красавчик.

Всех вечных юношей, которые успешно старятся, но остаются мальчиками, она зовет Красавчиками, только номера дает им разные. Этот хоть поумней других, потому более интересен ей, да и связывает их обоих давнишня... как бы это сказать... ну, пусть будет дружба.

— Что надо? — спросила она, не посмотрев на него.

— Во-первых, дело есть...

— М-м-м, — недовольно поморщилась Клара. — Какие дела на ночь глядя?

— Посоветоваться приехал. Во-вторых, Кенар пропал.

— Что? — От былой расслабленности и следа не осталось. Клара вся собралась, бросив ночному визитеру: — Подожди, машину поставлю в гараж.

В лифте они поднялись на шестой этаж, Клара открыла дверь, вошли. У нее была прекрасная квартира, о которой она мечтала много лет. Очень важно иметь крышу над головой, но важно еще и то, что под этой крышей все предметы соответствуют знаку качества. Только совсем недавно Клара осуществила эти мечты. А тут еще и волшебное-трепетное чувство явилось нежданно-негаданно, ударило в самое сердце, которое по идее должно было давно остыть, однако еще горит. Но при всех достигнутых ею успехах в жизни внутри Клары поселился некий червячок, да так и прижился. Зовут этого червячка «страх». Прimitивный, животный и необъяснимый. Смешно, чего Кларе бояться? А она боится. Боится неизвестно чего. Вот как случается иногда.

Двухуровневая квартира являлась тем излюбленным местом, о котором говорят: мой дом — моя крепость. Здесь и только здесь Клара рас-

слаблялась по-настоящему. Но не сегодня. Сегодня она прошла к бару, по дороге кинув сумку на кресло, налила в хрустальные стаканчики бренди, подала один Красавчику, которого на самом деле зовут обыкновенным именем Витя.

— Так что с Кенаром? — спросила Клара с легким беспокойством.

— Откуда я знаю? — взяв у нее стакан, пожал тот плечами. — Мы условились встретиться в восемь в баре еще вчера, должны были обговорить завтрашний день, а он не пришел. Я и сегодня прождал его полтора часа.

— На мобилу звонил?

— Естественно. Он ни разу не ответил.

— А что у вас завтра?

— Пикничок на природе, — усмехнулся Витя. — Но теперь отменен.

Клара прошла по комнате, а здесь есть где пройти — не то что в убогих трущобах, где она когда-то жила с родителями. Тридцатидвухлетнюю Клару можно было бы назвать красивой, если б не хищные и злые глаза, их она всегда прячет за приспущенными ресницами. Малоприятны и презрительно поджатые губы, часто именно они выдают негативные эмоции, живя на лице автономно от ее очередной маски. А масок у Клары несколько, много-то и не надо, чтобы ввести людей в заблуждение и показаться обаятельной, привлекательной, неглупой. Для Мартына у нее одна маска, для подружек — другая и так далее, только с Виктором Клара была такая, как она есть.

Витя... а он действительно стандартный красавчик, предмет мечтаний миллионов женщин, которым нравятся герои сериалов про красивую жизнь, нравятся белые длинные кудри ниже плеч, голубые глаза, правильные черты лица, высокий рост и атлетическая фигура. А что внутри у него,

есть ли там душа — ни одна дура не задумывается, потому что оболочка принимается за содержание.

Красавчик Витя упал в кресло, вытянул скрещенные ноги вперед и лениво произнес:

— Мне неприятно, что меня держат за мальчика. И кто? Кенар! Ассенизатор хренов! Я жду этого скота как дешевая телка, а он не является.

— Ты и есть вечный мальчик, — поддела его Клара. Сегодня он ее раздражал, потому что не Витю сейчас она хотела видеть здесь. — Красавчик Витя...

— Не называй меня Красавчиком, — так же лениво запротестовал он. — Банальная кличка, тупая, бесит меня.

— Но приросла к тебе, — уколола его Клара. — Это твоя профессия, разве нет? Однако ты действительно скоро вылетишь из обоймы. Тебе сколько?

— Тридцать семь.

— Вот-вот. Тридцать семь, а ты все еще Красавчик, соблазнитель чужих жен. На лице вон уже морщины появились. И кожа приобрела возрастную отечность.

— Не зли меня, — промямлил он.

Она не злила его, во всяком случае, не имела такой цели, а говорила то, что через несколько лет скажут и ей. Да, у них разный профиль работы, но для Клары так же важен фасад, как для Красавчика, а что будет потом? О будущем не задумываются только болваны, Клара давно подумывала о тихом уголке со всеми удобствами и с дополнением в виде мужа, детей, слуг. И вдруг — о, неожиданность! — появился ОН. Тот, кого Клара хотела бы видеть рядом, кто вряд ли будет раздражать ее, кто идеален во всех отношениях.

Наверное, Красавчик заметил, что с Klarой произошла некая метаморфоза. Она сидела с прямой спиной, отстраненная, сжимала стакан с бренди, который ни разу не пригубила, ушла в себя. Понаблюдав за ней, Витя спросил:

— Что тебя беспокоит, Клара?

— М-м-м? — Она вышла из задумчивости. Вышла несколько нервно, словно не ожидала, что в комнате еще кто-то есть, поэтому ее слегка напугал его голос. — Не знаю... Понимаешь... мне не по себе, когда пропадают люди.

— Ты кого называешь «люди»? — прищурился он, закурив сигарету. — Кенара? Хм! Это отребье?

— А чем мы лучше?

— Клара... — рассмеялся он. — Самоедство тебе не идет.

— Это не самоедство.

— Что же тогда?

«Нет, с ней действительно не все в порядке, — отметил про себя Красавчик. — Судя по бисеринам пота на лбу, Клара находится в том пограничном состоянии, когда истерика может возникнуть на пустом месте. С чего бы это?»

— Это... — сказала Клара, глядя куда-то в пространство. — Ты будешь смеяться, но это страх.

— Страх чего? — Он пересел на подлокотник ее кресла, не вслушиваясь в белиберду, которую она несла, а с намерениями вполне конкретными и приятными.

— Мой страх появился, когда пропала Райка.

— Кто такая Райка?

— Подруга.

— А-а-а, — понимающе протянул он, обняв ее за плечи.

— Все осталось на местах, а ее не нашли. Куда она делась? Если сбежала, то почему не взяла из дома деньги, украшения, одежду? Документы не взяла. Почему неожиданно все бросила и пропала? Никаких причин не было, чтобы так внезапно исчезнуть...

Красавчик Витя трогал губами висок и шею Клары, а она не замечала, не таяла, как обычно. Не заметила также и то, что рука его гладит ее округлую коленку, сдвигая вверх по бедру юбку. Но услышать его слышала.

14 — Это когда было? — спросил Красавчик.

— Почти семь лет назад.

— Ну... Семь лет! Нервишки забарахлили.

— Терпеть не могу, когда ты говоришь «нервишки», «винишко», «людишки»... Эй! — опомнилась она, когда его руки нагло стали лапать ее. — Витенька, убери шупальца... У меня нет настроения.

Но Витенька уже вошел в экстаз, задышал ей в лицо:

— Appetit приходит во время еды, а мне нужна постоянная практика.

И хватал ее за аппетитные части тела, поднимая из кресла. О, если б это были другие руки, другое лицо, другие губы...

— Отстань, — отбивалась она, но отбивалась безвольно, что только раззадоривало Витю. — Не хочу... Да отцепись же! Убирайся к черту...

Витенька не первый раз восстанавливал нервишки Клары подобным образом, посему не обращал внимания на слабые попытки прогнать его, хотя раньше она с удовольствием шла в постель. Но он знал свое дело, знал женщин, как патологоанатом знает, под каким слоем кожи находится та или иная мышца и для чего она служит.

В это время Клара думала о Мартыне. Спонтанно переключилась на мысли о нем и теперь представляла, что это руки Мартына обнимают ее, его губы целуют.

2

Ника приподняла голову, прекрасно помня, куда и зачем приехала, но почему-то она сидела в машине, к ее вискам Валдис прикладывал мокрый платок.

— Что такое? — встрепелась она. — Что случилось?

— Ты в обморок упала, — безжалостно сказал Валдис, наливая на платок минеральной воды из бутылки-огнетушителя.